

БУДНИ КАЗАЧЬЕГО ПОЛКА

Окончание. Начало в № 131-132.

Самым большим праздником для оренбургских казаков считался день Святого Георгия (Егория) Победоносца — 23 апреля.

Накануне, 22 апреля, по сотням читался приказ о предстоящем празднике и участии в нем полка: «В 12 с половиной часов начинается церковный парад. Он будет проходить на плацу возле зимних казарм». Перед парадом полковой священник отслужит «благодарственное Господу Богу молебствие». На молебствии и параде «изволит присутствовать Его Превосходительство, временно исполняющий дела начальника штаба Туркестанского военного округа».

Дальше приказ предлагал:

«1. Сотням полка построиться на плацу перед казармой 3-й сотни в развернутом фронте, имея трубачей на правом фланге.

2. Полковому казначею распорядиться вынести полковой образ и подготовиться все необходимое к молебну.

3. Командиры сотен в этот день обязываются приготовить праздничную пищу и выдать нижним чинам по чарке водки, на что разрешаю израсходовать из артельной суммы по 10 копеек на человека (артельная сумма складывалась из отчислений с денежного довольствия, с пожертвований, заработанных сумм и т. п. На 1 мая 1896 года чисто казачьих накоплений было 1430 руб. 64 коп.).

4. Ассистентами к полковому знамени являются сотники Головин и Луговских.

5. Форма одежды — парадная в белых фуражках.

6. После парада господа офицеры и классные чиновники приглашаются на завтрак в Ташкентское военное собрание, куда полковой адъютант сотник Мельников обязывается к началу завтрака выслать хор трубачей и балльный оркестр и доставить попугаи и ноты.

7. Я прибуду в полк в 12 часов, к каковому времени построить полк».

Если немного пофантазировать, наполнить приказ образами, легко представить военный городок с набором необходимых помещений: казармы, штаб с канцелярией, учебная команда (пункт), хлебопекарня, оружейная мастерская, приемный покой (лазарет), столовая, офицерская библиотека, конюшни, ветеринарный лазарет и другие сооружения, обеспечивающие нормальную жизнь полка в замкнутом пространстве.

14 ноября новый праздник в полку — день рождения Государыни императрицы Марии Федоровны — матери последнего царя России, а 6-го декабря — тезоименитство (имени) самого царя Николая Александровича. День рождения и именины царственных особ тоже отмечались молебнами, правда, в казармах и без церковного парада.

Не надо доказывать, что жизнь полка составляют не праздники, а будни. К будням относятся и очередной выпуск казаков, обучающихся в учебной команде.

Три дня (4, 5 и 6 апреля) комиссия, назначенная командиром полка во главе с его помощником полковником Печенкиным, принимала экзамены у 23 казаков призыва 1891 и 1892 годов. Сколько времени и кого готовила эта школа, в приказе не отмечено, но судя по перечню предметов, по которым экзаменовались выпускники, это не «ликбез», а скорее школа младших командиров — урядников.

Экзамены принимались по уставам (строевому, гарнизонному, внутренней и полевой службы, дисциплинарному), по знанию военных-уголовных законов, лагерной службы, устройства войска, службы и долга казака. К «другим» предметам отнесены Закон Божий, чтение и письмо, арифметика, ручное огнестрельное оружие, конно-саперное дело, чтение топографических карт, соблюдение здоровья, сведения о лошади.

Два казака — Комлев Александр из 1-й сотни и Витязев Ефим из 2-й — экзамены не сдали. Остальным учеба и результаты испытаний занесены в послужные списки. Средние оценки по группам предметов: «3 с долями, 4 и 4 с долями». Надо понимать: доля — это плюс. Все обученные «распущены по сотням».

В приказе отмечено: «Учебная команда во время заведывания ею сотником Печенкиным была в прекрасном состоянии, а потому считаю для себя приятным долгом выразить сотнику Печенкину, а также помощнику его хорунжему Альметьеву мою искреннюю благодарность».

Огромным событием для казаков и офицеров полка была отправка льготных казаков домой (окончивших службу). Обычно это со-

бытие приходилось на май-июнь. Тогда же из станиц приходила замена. Сотни верст шли встречные эшелоны, преодолевая немалые трудности пути. На льготу отпускались не только по выслуге срока, но и по семейным обстоятельствам. В таких случаях поступала просьба атамана отдела, являющаяся основанием для увольнения из части.

Вот как сформулирован подобный случай в одном из приказов по полку: «Вследствие ходатайства атамана 2-го военного отдела на основании приказа по военному ведомству 1892 года за № 250 и Его Превосходительства Наказного Атамана ОКВ (в те годы атаманом был генерал-майор В. И. Ершов) разрешил по изменившимся домашним обстоятельствам в настоящем году отпустить на льготу из вверенного мне полка полкового писаря Матвея Пахомова и урядников: 2-й сотни — Василия Попова и 3-й сотни — Михаила Утешева, о чем вследствие надписи начальника штаба Туркестанского военного округа от 27 и 30 марта... объявляя по полку, предписываю вышепоименованных нижних чинов включить в списки увольняемых на льготу и уволить из полка со льготными эшелонами».

Льготные казаки отправлялись двумя эшелонами. Перед отправкой полковая комиссия во главе с командиром «осматривала эшелоны», их полную выкладку при походной форме. Казаки выстраивались во фронт. Командир подходил к каждому, задавал вопросы по службе, выяснял, есть ли жалобы, а прощаясь со всеми, благодарил за службу и желал доброго пути.

Напутствуя начальника и офицеров эшелонов, говорил:

— Путь нелегкий. Ведите казаков не спеша. Берегите лошадей. Дорогу вы знаете? С Богом!..

Первый эшелон вышел из Ташкента 11 мая на «распускной пункт» — станицу Кизильскую — в числе 103-х человек с лошадьми. Вел его есаул Плотников. В этом эшелоне уходили казаки поселков и станиц Кизильской, Варшавской, Великопетровской, Танальской, Кваркинской и Наследницкой.

Второй эшелон выступил через три дня, 14 мая, на Верхнеуральск. В нем было 105 человек. Их вели сотник Луговских (начальник эшелона) и сотник Лосев. В эшелоне шли казаки поселков и станиц Верхнеуральской, Уйской, Стенной, Николаевской, Березинской, Магнитной и Россыпной.

Почти две тысячи верст предстояло преодолеть эшелонам по пескам и такырам, похожим на растрескавшийся асфальт, под палящим солнцем, претерпевая частые безводье и бестравье. Два с лишним месяца уходило на дорогу с ночевками и привалами. Потому и шли малыми эшелонами, растягиваясь в пути, чтобы вода набралась в колодезях и трава подросла в неприветливых местах.

А навстречу двигалась смена — эшелоны земляков-одностанничков. Бурные и радостные встречи в пути: кто-то тискает крутые плечи шабера (соседа через плетень), а кто и родного брата. Обнимки, домашние кокурки, новости из дома, отцовский самосад, письмо от любашки. Разговоры, разговоры...

В полк шли не сказать, чтобы счастливые, но довольные жребием казаки. Конечно, Туркестан не Варшава, а все же самолюбие молодого казака удовлетворено.

Жребий не в переносном, а в буквальном смысле. Казакам призывного возраста, достигшим 21 года, предлагалось вытаскивать из барабана записку (жребий) с указанием полка, в котором ему придется служить.

Жребий тянули и солдаты (рекруты). Но если рекрута провожали на службу со слезами, то казака с песней. От службы его могло освободить только неважное состояние здоровья. А это — ущербность. Молодая казачка отвернется от «больного». Какая не отвернется, будет смотреть соболезнующая. Казачу это хуже смерти. Хоть к черту на рога — только бы взяли в полк.

Вот почему казак радовался своему жребию. Пусть «Тмутаракань» — далекий и неспокойный Туркестан — это полк, это служба, ради которой существует войско.

Идущие домой, достигшие распускных пунктов, после заключительного осмотра физического состояния казаков и лошадей с дальнейшей дороги, обмундирования и другого снаряжения, расходились, разъезжались по домам. Им предстояло еще восемь лет быть в готовности к походу в любое время.

А прибывшие из станиц после тщательного медицинского осмотра, проверки состоя-

ния снаряжения и коней пополняли сотни полка, некоторые направлялись в учебную команду. Полковая жизнь продолжалась по заведенному порядку, напоминающему круговорот.

У господ офицеров несколько особенностей от нижних чинов жизнь. Они, если не обучали подчиненных, сами учились всему, что требовала служба, особенно тактике. Занятия с ними проводили сам командир полка и его помощники.

Вот один из приказов на этот счет от ноября 1897 года:

«О тактических занятиях господ офицеров.

Согласно приказу по Туркестанскому военному округу от 6 минувшего октября... по вторникам от 6 часов вечера назначаю под моим руководством тактические занятия с г.г. офицерами вверенного мне полка. Г.г. офицерам к означенному времени предлагать явиться на занятия в канцелярию полка».

Перед началом одного из занятий офицеры избрали суд «общества господ офицеров», то есть суд чести в нынешнем понимании. Следующим за выборами приказом объявляется состав выбранного суда: «Полковник Печенкин, есаул Субботин, подесаулы Иванов и Авдеев, сотник Степанов. Кандидатами к ним: сотник Колокольцев, сотник Шибанов. Согласно 147 статье Устава дисциплинарного председательствовать в заседаниях суда предписываю полковнику Печенкину».

Хорошие знания своих обязанностей, исполнение их отмечались наградами. В начале ноября командир полка проверил теоретическую и практическую подготовку разведчиков сотен. Казаки порадовали его глубокими знаниями своего дела и почти все получили нагрудные знаки «Отличный разведчик» (27 человек).

С разведчиками связано еще одно событие — отправка команды из них на охоту. Во главе с есаулом Кручинным 21 разведчик при 24 лошадях с медицинским и ветеринарным фельдшером, одним конюшником 10 декабря ушли в степи на охоту, очевидно, за сайгаками. Как никак, добавочный мясной приварок к казачьему столу не повредит. Вернулись они 24 декабря. С каким результатом — неизвестно. Надо полагать, охота была добычливой. Тогда по степям бродили бесчисленные стада животных, нетронутых, нелуганых. Быстрое возвращение охотников — тому подтверждение.

Абсолютное большинство казаков и офицеров службу несло исправно и все четыре года ничем себя не запятало. Но, как говорят, в семье не без урода. За два года по приказам наберется около десятка наказанных не просто в дисциплинарном, а в судебном порядке.

Почти все наказания так или иначе связаны с лошадью, точнее с ячменем, который давался на прокорм. Вообще-то, лошадей кормили соломой и клевером, но обязательными были овес и ячмень. Последние, особенно ячмень, становились предметом криминала. Один прихватил кем-то оставленную торбу, другой сверх нормы подсыпал своему коню, недодав соседнему, а третий подкапывал недоданное на продажу.

Кражи и другие уголовно-наказуемые дела казаков рассматривались полковым судом. Так, 13 ноября 1897 года казак 4-й сотни Игнат Евсеев был предан полковому суду под председательством есаула Прутова за кражу ячменя. Он из казаков Оренбургского войска (в азиатских полках служили и уральские казаки — В. Б.), 24-х лет, в полку с 6 июня 1895 года. Два раза наказывался в дисциплинарном порядке за плохой уход за лошадью (исключение из правил — В. Б.): «У подсудимого... в седельной подушке был найден лишний ячмень. Из показания вахмистра 4-й сотни урядника Иванова видно, что подсудимый на вопрос «откуда взялся лишний ячмень?» ответил: «Виноват, во время утренней уборки я, заметив лишнюю торбу с ячменем, взял ее и ячмень пересыпал в свою торбу». На собственном сознании подсудимого суд признал его виновным».

Владимир БАКАНОВ

Выяснилось, что ячмень он взял не для своей лошади, а хотел продать на базаре. Дальше идет расклад уголовной цены поступка: «Статья 169 Устава о наказаниях влечет за собой заключение в тюрьме от 3 до 6 месяцев и на основании пункта 6 статьи 170 того же Устава тюремное заключение должно быть увеличено до одного года — постановил: избрать тюремное заключение на один год, заменив это наказание содержанием в военной тюрьме на 4 месяца...» Однако, с учетом положений других статей, «суд избрал 3-ю степень и постановил подсудимого подвергнуть заключению в военной тюрьме на два месяца и две недели, заменив это наказание за неустойчивость тюрьмы на основании приложения 2 к статье 59 воинского Устава о наказаниях содержанием под арестом на хлебе и воде на три недели с переводом штрафovaných с увеличением обязательного пребывания в части на 1 год и 6 месяцев».

Другой казак Степан Вязанов, ухаживая за лошадей сотника Кручинина, регулярно отсыпал от ее доли по фунту ячменя, накапывал и пропивал. Срок его пребывания в штрафном полку увеличен до двух лет.

В декабре того же года два казака отданы под суд за кражу опять же ячменя. Очевидно, это зерно было доступным для легкой поживы и пользовалось большим спросом на ташкентском рынке.

Человек не вечен, и даже молодость не гарантия от кончины.

22 ноября в ташкентском госпитале умер младший урядник 1-й сотни Трофим Малаев. Отмечая это как печальный факт, командир полка издает приказ командиру сотни продать с аукционного торга строевую лошадь умершего, описать его имущество и все передать в канцелярию.

Деньги и вещи казака уйдут с ближайшим эшелоном на родину умершего, как последняя и горькая весточка от сына.

В следующем приказе назначается наряд на погребение: «Завтра, 25 сего ноября в 3 часа дня назначается погребение тела умершего... а потому предписываю назначить от первой сотни вверенного мне полка одно отделение казаков в пешем строю для отдания воинской почести телу умершего».

Не суждено было казаку вернуться со службы домой...

Приближался новый 1898 год. Ташкентская полиция планировала усиление охраны порядка в городе в предпраздничные дни. Казачий гарнизон всегда помогал полиции. Не отказал и на этот раз: «Предписываю, — читаем в приказе за 23 декабря, — 25, 26 и 27 декабря наряжать от дежурной сотни разьезды в составе двух урядников и 8 казаков. Разьезды в означенные дни к 9 часам утра являться в полицейское управление».

О спасении тела и души казака заботились начальство и церковь. Он весь в их попечительной власти. Обычно раз в году Спасо-Преображенская церковь Ташкента специально для казаков проводила «катехизические поучения» — краткие изложения основ православной морали в виде вопросов и ответов.

Начиная с 1 января и по 22 февраля полусотня за полусотней, команда за командой полка прибывали в церковь к трем с половиной часам пополудни для слушания поучений. Они укрепляли казака духовно и морально. Поучения проводились не взамен новогодних торжеств, а кроме того. Новогодние молебны служились в казармах, а на церковной площади проводился парад делегированных подразделений от полков и соединений.

Еще один год службы казака остался во вчера. Жизнь полка продолжалась своим чередом и обычаем...